

Екатерина Быстрицкая

РАРОК

12+

Екатерина Быстрицкая

Рарок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39285618

SelfPub; 2018

Аннотация

А что если то, чего мы больше всего боимся, нас в итоге спасает? Эта антимагическая повесть посвящается подросткам и адресована подросткам. В землях великих волшебников брушей рождается бездарный ребёнок, не наделённый ни одним из волшебных талантов. Древнее предсказание гласит, что именно с этим младенцем будет связано завершение Эпохи Брушей и наступление непредсказуемой Эры Перемен. Мудрейшие Рахи, старейшины племени брушей, желая «обмануть» предсказание, решают изгнать Рарока, как только он становится подростком, годуном. Однако эта жестокая мера не помогает – на племя вот-вот обрушится несчастье – братоубийственная война.

Содержание

Часть I. Последнее предсказание	5
Часть II. Бора	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Екатерина Быстрицкая

Рарок

Посвящается моему лучшему другу Павлу.

"Миф есть в словах данная личностная история. Следовательно, Правда есть Миф."

А.Ф. Лосев

Часть I. Последнее предсказание

...Тысячелетия блаженства и покоя

Закон Витамир

Брушам подарил,

Но день придёт,

И кончится покой,

Ниспослан будет нам Рарок,

Волшебным даром обделённый,

Непримиримый, непреклонный

И сердцем лишь к боренью склонный,

С ним Эру Перемен начнём.

Шагира мудрость не поможет,

Надежды мир вернуть умрут,

Витамир и все Рахи сгинут,

Мир новый будет создан тут

Кончается эпоха брушей.

Священные Книги Шагира, том 9, страница 2433, послед-

няя...

...Резко развернулся, не говоря ни слова, и бросился бежать со всех ног. Он бежал в безбрежную Бору – непроходимый лес, подальше от своей родной деревни. Подальше от безмятежного мира, от размеренной и счастливой жизни, которую он так боялся разрушить, и да, он бежал от страшного

и опасного самого себя...

...Найрад в сердцах захлопнул тяжеленный том – над столом сразу появилось сероватое пыльное облачко. Некоторые пылинки быстро опускались на свое привычное место, а некоторым хотелось немного покружиться в лучах заходящего солнца, и они всё волновались и серебрились, и замирали, и только потом принимались медленно опускаться к своим менее легкомысленным подружкам. Пусть ненадолго, но всё же им удалось преодолеть закон земного притяжения, и они до конца исполнили свой танец.

Найрад вышел на крыльцо библиотеки, чтобы тоже немного порадоваться солнцу перед закатом.

Он закрыл глаза, и его губы растянулись в блаженной улыбке. Холод каменных стен начал отступать, и по телу Найрада уже разливалось тепло. Сейчас состояние старика можно было бы вполне назвать блаженством. Можно было бы...

– Ааааааах – Найрад махнул рукой на солнце, улыбка пропала, и меж седых бровей старика снова пролегла глубокая морщина, – Нет, кажется, совсем ты перестал справляться со своими обязанностями, старик Рах, а тебе ещё столько нужно сделать...

Тяжелые каменные своды Малой Библиотеки снова поглотили Найрада.

...На другой день Найрад уже не мог позволить себе празд-

ные раздумья. Всё. Пора было что-то решать. Свершилось.

... Брушей селенья
Река разделяла,
Истром Могучим
Её величали
Предки могучие
Брушей тех добрых.
Жизнь благодатной
Была и отрадной:
Вволю имели
Зерна и угодий
Бруши-волишебники,
Но в одночасье
Путь изменился
Племені доброго
Брушей беспечных:
Отрок родился,
Чьим даром могучим
Рарок предстал,
Страх наводящий.

Бруши в смятеньи:
«Что ждет нас, что будет,
Если Рарок
Завладеет селеньем?»

*Силу его мы не знаем,
Лишь в книгах
Найрад мудрейший,
Наш вождь из старейших,
Может найти
Непростые ответы.
Сколь необуздан,
Яростен, грозен
Будет приход
Рарока в селенье?»
Брушей сердца
Полны были страхом...*

*Мать лишь младенца
Ружана-ткачиха,
Чьи неизменно
Прекрасны туники,
Не волновалась,
Ведь благо рожденье,
Если послала его
Мать-Природа...*

Поздно вечером в дом Буды и Ружаны постучали. Буда выглянул в окно.

– Это снова Найрад, Ружана... И что он никак не угомонится...

Буда считал, что они уже всё обсудили, и ему вовсе не хотелось снова возвращаться к тревожным мыслям. Тем не менее не впускать Старейшину Найрада он не мог.

– Доброго вечера вашему семейству, – старик сначала поклонился, и только потом перешагнул порог.

– Заходи, Найрад, присаживайся, – Ружана выглянула из спальни с малышом на руках и снова скрылась.

Найрад сел в кресло из дуба, вежливо пододвинутое Будой поближе к домашнему очагу. Вытянул руки к огню и улыбнулся – вечно мёрзнувшим рукам старика было очень приятно.

В гостиную зашла Ружана.

– Людша только что заснул, – сказала она, переглянувшись со стоявшим у дверей гостиной мужем, и не прошла в гостиную, не присела, а тоже осталась стоять.

– Что ж, – сказал Найрад, посмотрев на них, – время позднее уже, я понимаю, вы устали за этот день, и вам очень хочется остаться одним... Я не задержусь долго, – он взялся за посох, – Я хотел попросить вас вот о чём...

– Да, Найрад, мы слушаем тебя, – Ружана сплела руки в замок.

– Если не говорить вашему сыну о том, что он и есть Рарок из Последнего предсказания, я думаю, ему будет проще жить в нашем мире. Не стоит больше говорить об этом ни с кем. Если мы принимаем этого малыша, как своего, то и относиться к нему стоит так же, как и ко всем остальным де-

тям. Все бруши Большой Ивы поддержат вас. Не могу этого сказать о мастерах Скал Кара, но – Найрад вздохнул.

– А что мастера? Ты разговаривал с ними о нашем малыше? Что они сказали? – встревожился Буда.

– Конечно, я разговаривал... Последние лет пятьсот, Буда, – сверкнул глазами Найрад, – Последнее предсказание – это тебе не шутки, как ты полагаешь?

Буда опустил голову. Не по себе ему было опять. Когда же это всё прекратится, а? Почему он должен был опять себя чувствовать виноватым из-за того, что именно в его семье родился Рарок?

– В общем, – продолжал Найрад, – мой брат и старший Рах Вострогор велел мне избавиться от... – он замялся, – от опасности, угрожающей всем брушам... И я должен слушаться его... Но Вострогор не захотел, чтобы наши племена собирались на одном совете, и предоставил окончательное решение принимать нам. Мы приняли решение, за которое теперь я несу ответственность, и я должен всё время быть начеку, Вы понимаете меня?

Ружана сдержанно кивнула.

– Потому что если мой брат прав, то однажды мне придётся... сделать то, чего я очень не хочу... Сердце моё стариковское противится...

Найрад замолчал.

– Хорошо, что твоё сердце противится, Найрад, хвала Матери-Природе, – сказала Ружана, глянув на старика широко

раскрытыми глазами.

Все замолчали. Слышен был только треск горящих поленьев в очаге. Но тишина была напряженная, недосказанная, неудобная. Ружана и Буда всё ещё стояли у входа в гостиную, сжимая руки друг друга. Найрад снова заговорил:

– Так вот... Я думаю, будет хорошо, если никто не станет говорить пареньку о том, кто он...

– Но как же это возможно? – всплеснул руками Буда, – всем детям говорят о том, какие у них дары, и это помогает дарам раскрыться в нужное время...

– Вот именно, – согласился Найрад, – до двенадцати лет ни один маленький бруш не интересуется своим даром, у него и без того хлопот хватает: шалить, играть, мешать взрослым работать... – Найрад хмыкнул своей шутке и ждал, что Буда и Ружана тоже улыбнутся. Но они не улыбнулись.

– Как только он узнает, кто он... Я не хочу пугать вас, но понимание того, кто ты есть, – прекрасная почва для развития дара. Не думаю, что Рарок будет исключением...

– Я не буду говорить ему, – решительно сказала Ружана, взяв своего мужа за руку, – он ничего не узнает, даже если будет расспрашивать... Я переведу разговор на другую тему, придумаю что-нибудь... Если это даёт надежду, я готова сделать всё, что потребуется.

Буда накрыл своей рукой руку жены и, словно обращаясь только к ней, сказал:

– А что если нам и вовсе сказать ему, когда придёт время,

что у него есть обычный созидательный дар... ну, придумаем что-нибудь, не знаю... Допустим, скажем ему, что он повар... Или нет, скажем ему, что он пекарь, как я!

Буда очень обрадовался этой мысли.

– Ничего из этого хорошего не выйдет, – осёк его Найрад. Он передвинул посох поближе, чтобы опереться на него обеими руками, будто готовясь уже встать и уйти, но продолжал сидеть. Найрад смотрел на пекаря исподлобья.

– Плохая идея, Буда. Вспомни себя, когда ты был годуном, и когда начал проявляться твой дар. Что ты почувствовал, когда тебе сообщили, что у тебя дар пекаря.

– Я очень обрадовался! – воскликнул Буда.

– Так, а ещё... Что ты делать стал? – настаивал Найрад.

– Ещё... – Буда почесал затылок, – ещё я... да, ничего, просто я стал сразу пробовать печь, и у меня стали получаться булочки, хлеб...

– Вот именно, Буда, у тебя стали получаться булочки, потому что от рождения ты наделён именно этим и никаким другим из всех даров Ивар! – Найрад наконец встал, – А если ты скажешь, что дар пекаря есть у того, у кого этого дара вовсе нет...

– Ничего не выйдет, – покачала головой Ружана, – Найрад прав, мы просто не должны говорить ему, и всё. Так долго, насколько хватит сил...

– А может быть хватит нам волноваться, а? Это ж всё будет только через двенадцать лет и не раньше! Я думаю, мы

можем вполне забыть об этой проблеме и жить спокойно. А там видно будет, – Буда уже очень хотел, чтобы Найрад наконец ушёл, и они легли спать. Денёк-то выдался не из лёгких...

– Да, пока вы можете и не думать, и не переживать, – Найрад, понимая, что ему тут уже скоро будут совсем не рады, направился медленными и тяжёлыми стариковскими шагами к выходу, – Но время придёт, мои вы дорогие бруши, – покачал он головой, – Моя первая тысяча лет уже на исходе... И пролетели эти годы молниеносно... промчались так быстро, что... – Найрад на мгновение остановился и замолчал.

– Не беспокойся, Найрад, – Ружана подошла к старику и взяла его под локоть, – мы сделаем всё, как ты сказал... Мы не станем говорить ему...

– Хорошо, мать Ружана, – Найрад пристально посмотрел на неё, – я слышу тебя. Я верю тебе.

Затем Найрад перешагнул порог, и за ним тут же закрыли дверь.

Он оглянулся через плечо.

– Именно ты и скажешь ему всё, Ружана... Любящее родительское сердце, взирающее на любимое дитя – всё одно, что воск у самого пламени свечи – мягко и податливо... Что-то будет, когда пламя перестанет греть...

И Найрад отправился к библиотеке.

– ...Они «умилялись малышу» на совете племени Большой Ивы? Как ты мог допустить это, мой неразумный младший Рах! – Вострогор был вне себя, – Такого я от тебя не ожидал! Я никак не могу понять, – Вострогор принялся ходить кругами по гостинной, и шлейф его тяжёлого плаща будто исподволь тянулся за ним по гладким камням, как сытая, ленивая, толстая змея – ...Когда выбирали Раха, который бы захотел уйти к земледельцам, я ужасно удивился, что ты, мой брат, вызвался отправиться к ним! И вот теперь мой брат снова поразил меня в самое сердце... Как? Как ты позволил им это? Для чего ты послан к ним? Кто кем управляет? Ты – ими или они – тобой?

Найрад, даром что белобородый старец, сидел понурившись с виноватым видом, будто младший горняк, напортачивший с подпорками.

– Тогда, много веков назад я ушёл потому, что мне нравится жить с этими весёлыми брушами. Петь с ними песни вечерами, пить мёд и встречать их детей, приходящих в этот благодатный мир и приносящих свои удивительные волшебные умения. Мне нравятся их простые жизненные дары, которые, я знаю, ты не считаешь столь изысканными, как таланты горняков... И мне нравится, что там, с ними, под ярким солнцем, на открытой ветрам Весёлой Поляне, мне дышится гораздо свободнее, чем в вечном сумраке пещер...

– Я знаю, тебя всегда тяготило звание младшего Раха, –

Вострогор скрестил руки на груди и встал напротив Найрада, – ты никогда не горел желанием подчиняться мне, Найрад. И теперь это продолжается. Да, не стоит списывать всё на твою неспособность справиться со своевольными и легкомысленными земледельцами. Я думаю, ты и сам не прочь лишний раз пойти наперекор воле Старшего Раха...

– Вострогор, ты несправедлив ко мне! – Найрад встал в полный рост, – Разве не ты отказался созывать мастеров для обсуждения решения? Разве не ты сказал, что решение принимать брушам Большой Ивы?

– Я! – гордо ответил Вострогор, – Но я передал тебе волю своей части племени! А решение, принятое мастерами, важнее решения, принятого какими-то земледельцами!

– Брат, а не надеялся ли ты исполнить свою волю чужими руками? – Найрад поднял глаза на брата.

– Да как ты... – Вострогор слов не находил от возмущения, лицо его заалело, будто свет рубина коснулся его, – Я вот что скажу тебе, младший Рах, – и Вострогор приблизился вплотную к Найраду, – Хорошо, делай что хочешь, поступай, как знаешь, но отныне вина за все несчастья, если таковые произойдут по вине этого, оставленного тобою в живых опасного младенца, ляжет на тебя. Только на тебя, Найрад, мой строптивый брат, потакающий беспечным брушам, пляшущим и поющим свои глупые песни на краю бездны.

Найрад снова опустил голову.

...В брушей селенье
Царил безраздельно
Ивар волшебный -
Дар Созиданья,
Бруши таким
Волшебством обладали,
Что помогало
Им прокормиться,
Строить дома,
Прясть иль рыбачить,
Иль испросив
Ивы гибкие ветви,
Вечной, могучей
Царицы поляны,
Делать корзины,
Плести украшенья
Взмахом руки,
Волшебство излучавшей...

...Время-река,
Теченье которой
Бруши не в силах
Остановить.
Солнце садится
И снова восходит -
Так неизменно

Тянется нить
От поколений
Ушедших к грядущим
Сквозь сожаления,
Грезы, мечты,
Сквозь суету,
Сквозь смех простодушный,
Будней рутину
И тихие сны...

Время пришло,
И юному брушу
Надо взрослеть,
Но не смеет душа:
Рарок столь властен -
Грозы и пепел –
Сможет ли мир этот
Ими дышать?

«Рарок наш юный,
Ярости полон,
В доброе племя
Вражду принесет!»
«Он необуздан,
Он беспокоен,
Бруши, опасное

*Время грядет!»
«Найрад Великий,
Рах наш мудрейший,
Встань на защиту
Брушей своих!
И от селенья
Хаос и ярость
Ты отврати!»*

*Лишь для двоих
Противостоянье -
Добрый Витамир
И Хаоса длань,
Непредсказуем –
Пусть сгинет во мраке.
Найрад, защитником
Племен становь!
... Но страх где бушует,
Нет ясности места...*

...Прошло несколько лет. На благодатной земле Большой Ивы все было по-прежнему: ткач создавал волшебные ткани, пахарь гнал перед собой самоходный волшебный плуг, водонос из своего бездонного ведра волшебным черпаком разливал всем воду, а малыш Людша тем временем рос.

Прошло еще несколько лет, во время которых опять же

ничего не происходило и все было по-прежнему, то есть абсолютно волшебю. Ну, разве что Буда на радостях по случаю пятилетия сына наколдовал так много сладкой выпечки, что излишек пришлось срочно отвозить брушам, что жили у Скал Кара, чтобы те помогли с ней расправиться.

Школ у брушей Большой Ивы никаких и в помине не было. А зачем? У каждого от природы уже есть свой особенный волшебный дар. Ты растёшь, и дар твой постепенно обретает силу. А как вырастаешь, так и начинаешь им пользоваться, вот и всё. Скажем, есть у тебя волшебный дар шить прекрасные наряды. Идешь к ткачу, берешь у него ткань, какая тебе нравится, затем наколдываешь из этой ткани какой-нибудь наряд, и обмениваешь его на хлеб или сыр, или воду у других брушей-волшебников.

Малыш Людша наблюдал за тем, как живет его племя, его родители. Он видел, как папа каждое утро наколдывает булочки и душистый хлеб с тмином. Как мама куски разных материй одним взмахом руки превращает в прекрасные платья и туники. И он мечтал о том, что однажды и он будет тоже что-нибудь наколдывать.

У некоторых его друзей уже начинало что-то получаться. Малыш Углеш, сын Чароока-мёдовара, однажды прямо у него на глазах взял, да и соткал маленький коврик! Коврик получился с прорехами, но это ничего, ведь его дар Ивар войдет в силу, только когда Углеш станет годуном, то есть подростком.

А вот Ясинка, дочь Улады-поварихи, однажды во время игры в салки случайно взмахнула рукой, и тут же поднялись все листики земляничных кустиков на поляне. Оказалось, что Ясинка обладала даром Лан – даром собирательства. Такие бруши, как она, запросто могли находить ягоды и грибы. Только по их велению из земли сами собой высовывались целебные корешки, а грибы аккуратно откручивались от грибниц и прыгали в корзинку.

И только дар Людши никак себя не проявлял. Родители молчали и ничего не хотели сыну про его дар рассказывать, сколько он ни просил. Они всегда находили, на что перевести разговор, придумывали, как отвлечь его. Но все эти уловки мало помогали. Родители его друзей бросали на Людшу косые взгляды, иной раз он слышал, как за его спиной шепчутся. Но стоило обернуться, он натыкался лишь на натянутые вежливые улыбки.

Однажды Людша, как и полагается двенадцатилетнему годуну, веселился со своими друзьями на поляне.

– Давайте играть во взрослых! Кто что уже умеет делать? – весёлая девочка с рыжими локонами – всполохами пламени – задорно, щурясь против солнца, смотрела на своих друзей.

– Я могу большой ковер соткать! – похвастался Углеш, сын Чароока, – только мне бы пряжи подходящей... Кто наколдует?

– Я могу! – малышка Смеда подпрыгнула на месте.

Смеда была пряхой. Её дар Либуша проявился буквально

на днях, но она говорила о нем так, будто всю жизнь только и делала, что пряла.

– Шерсть кто обеспечит в таком случае?

– Я! – тут же откликнулся Мена, – вчера двух овец у пастуха Дубаша остриг, – довольно добавил он...

Подобных игр у годунков становилось все больше и больше. Теперь каждый день они играли только во «взрослую жизнь». И только Людше это совсем было не по душе. Ведь он вынужден был оставаться в стороне. Он по-прежнему не умел ничего из того, что требовалось его друзьям: ни ткать, ни шить, ни овец стричь... Абсолютно ничего.

Терпению Людши пришел конец. В самый разгар очередной игры он убежал с поляны. Ему стало стыдно, что только у него одного до сих пор не проявился никакой дар, и он боялся, что товарищи снова станут потешаться над ним.

– Мама, я не могу так больше! – выпалил он, едва распахнулась дверь в его дом...

...Ружана опустила руки. Волшебные искорки на кончиках ее пальцев погасли.

– Сынок, ну, что ты такое говоришь!

– Мама, если ты не расслышала, я могу повторить! – Людша сжал кулаки, – я не могу так больше! Я не такой, как они, и я это чувствую! Со мной что-то не так!

– Ну, прекрати, – Ружана подошла к Людше, ласково приобняла его и усадила на стул, – вы опять играли во взрослую жизнь, верно?

– Нетрудно было догадаться... – пробурчал он, утирая нос рукавом.

Ружана сидела рядом и нежно гладила сына по спине. На кончике его локона на мгновение застыла хрустальная капелька, в которой Ружана увидела свое крошечное отражение. Капелька полетела вниз, ударилась о дощатый пол и исчезла.

– Послушай, ты не другой, – сказала Ружана, – у тебя тоже есть дар.

– В самом деле? Есть? Какой же?

Ружана молчала.

– Может быть, я пастух?

Ружана покачала головой.

– Ну, может быть, я землепашец?

– Нет, мой хороший...

– Мама, ну может быть, я как отец, пекарь?

– Нет, мой дорогой...

– Ну почему ты так уверенно говоришь «нет»? Может, ты просто сама ничего не знаешь и не понимаешь в этом? А? Что ты всё утешаешь меня? Ты не можешь меня утешить своим незнанием!

– Сынок, я вижу, пришло время...

Людша поднял голову. На Ружану смотрели глаза ее сына, огромные и прозрачные, как топазы из недр Скал Кара, что прибывают в селенье в кованом сундуке в обмен на мясо и хлеб, глаза, чистые, как та слеза, задержавшаяся на секунду

на его щеке. Как же она не хотела и хотела говорить сыну правду. Она боялась. Но и снять этот тяжкий груз с души она тоже хотела. Двенадцать лет Ружана молчала или уводила разговоры в другое русло. Она дала обещание, и она делала то, что обещала Найраду. Но силы её подходили к концу.

– Мама...

– Да, у тебя есть дар. Но очень необычный. Такого дара, как у тебя, больше нет ни у кого из всего племени брушей.

– Какой же он? – Людша схватил мать за руку от нетерпения, – Я могу им пользоваться? А почему он не проявляется, как у других?

– Я думаю, что твой дар не проявляется, мой дорогой, потому что здесь, в племени, живущем по законам Витамира, никому и в голову не придет просить тебя применить его...

– Почему? – Людша не понимал. – Что я умею? Кто я?

– Когда ты только родился, старик Найрад сказал, что ты... В общем, он сказал, что ты Рарок.

Людша поднял брови. Задумался.

Он встал со стула, сделал несколько шагов в сторону окна, потом такими же неторопливыми шагами вернулся. Ружана молча наблюдала за ним.

– А что это значит? Никогда не слышал о таком даре... Я знаю, что среди созидательных даров Ивар, которыми наделены все бруши, есть дары Либуша – это когда бруши умеют работать с шерстью; потом есть дары охоты – дары Лесьяр... Дары Чароок – это дары, связанные с мёдоделием... Ну, дар

Рах, конечно, как у нашего Найрада... Ещё есть дары Лан – это дары собирателей... Я слышал, у брушей Скал Кара много даров Рагоск, благодаря которым они могут находить золото и драгоценные камни... Есть ещё дар Жегор – дар вызывать огонь. А Рарок... – он задумался на секунду, – это что же получается... получается... это дар ... дар...

– Ты – бруш-предвестник Эры Перемен... Рарок из последнего предсказания Книг Шагира:

...Непримиримый, непреклонный И сердцем лишь к боренью склонный... – она помолчала, – Сынок, у тебя нет созидательного дара Ивар...

Людша смотрел на мать удивлёнными глазами.

– ...Найрад Рах, наш мудрый библиотекарь, говорил, что дар Рарок – это дар несущего перемены.

Людша нахмурился. Он был поражён. Он совсем не такого ожидал...

– Ты хочешь сказать, что я могу причинить кому-то вред? – Другим из своего племени? Зачем и почему это может мне понадобиться? Я не хочу! Глупость какая-то! Как же... Почему я родился без созидательного дара? Рарок опасен... Значит, я опасен? – Людша подался вперёд, прижав руку к груди, – ты что, серьёзно всё это? Я опасен?

Людша подошёл к зеркалу и стал рассматривать себя.

– Я не знаю, сынок... – Ружана покачала головой, – мне бы не хотелось думать, что ты...

– Но как же так? Почему? Почему я? – Людша будто на-

падал на своё же отражение в зеркале.

– Я не знаю, сынок...

– Я бы хотел уметь плести корзины или делать музыкальные инструменты... Или, как дядя Добруш, быть плотником... Дар Ивар – чудесный и созидательный... Почему его у меня нет? Я хочу быть, как все вы! Я должен быть как все вы, я же из вашего племени! Или нет? – Людша резко обернулся и испытующе посмотрел на мать.

Ружана смиренно кивнула.

– Из нашего, сынок. Ты такой же сын Большой Ивы, как и всё племя. Пойми, прошу, я не виновата... Я не знаю, как такое...

– Да что ты все твердишь свое «не знаю»! – Людша вдруг топнул ногой, – мне надоело уже это слышать! Ты никогда не говорила мне этого! Почему? Ты всегда молчала, скрывала от меня! Ты мне врала! И ты никогда не терпела того, что я терплю: эти бесконечные «хи-хи» за спиной... Все играют, как сумасшедшие, в эту «взрослую жизнь»... «Я умею печь пироги, мне бы только муки! Кто мукомол?» – «Я мукомол...» – Надоело! Слышать это уже не могу! Видеть их всех уже не могу! Они смеются надо мной: «Людша, а твой дар еще не проявился? Что-то долго он не проявляется? Странно. Давно пора!», – Людша передразнивал приятелей, – Всё, хватит с меня! Вы все против меня! И теперь я понимаю, наконец, почему... Просто потому, что я не такой, как вы! Я – бездарный бруш! Волшебник без волшебства! У меня есть

только то, что никому не нужно и чего все боятся!

С этими словами он схватил со стола поднос с чайником и чашками и со всей силы шваркнул его об пол. Чайник разлетелся на кусочки. Одна чашка, чудом уцелевшая при падении, укатилась было под стол, но Людша в ярости так прихлопнул ее каблуком своего сапога, что от чашки осталась только фарфоровая пыль. А затем в сторону полетело и зеркало, и разбилось со звоном и треском об стену, разметав по комнате солнечные зайчики своими осколками.

Ружана в ужасе смотрела на сына. Впервые с того самого дня, когда Людша появился на свет, и когда Найрад сообщил ей об особом даре её сына, ей снова стало страшно. Долгие годы она прятала, запирала свои страхи и волнения под замок, изо всех сил будто пыталась останавливать плотинами реку. И тут плотину прорвало. Теперь она ничего не могла сделать. Ружана закрыла лицо руками.

Людша стоял среди осколков. Ярость понемногу отпустила его, и он увидел, как перед ним плачет его напуганная мать. Он схватился за голову и выбежал из дома. На пороге он едва не сбил отца с ног.

– Сынок, ты куда? Что происходит? Ружана, что с ним?

Ружана подняла на мужа лицо, полное ужаса.

– Он знает... Теперь он знает всё... Рарок проснулся в нем...

– Как? Ты сказала ему? Но зачем же ты рассказала ему? – Буда схватил Ружану за плечи, – Зачем?

По лицу его жены покатались слезы.

– Прости меня, Буда... Я больше не могла ...

Людша бежал, куда глаза глядят. Бежал, не останавливаясь...

Вот он уже на краю деревни... Стоп. Это же дом Найрада. Очень кстати. Пришло время выяснить все до конца.

В душе Людши теперь кипело то, что он так старательно пытался не слышать. Как он хотел его унять, погасить это пламя ярости, злости, обиды, непонимания, беспомощности, жалости к себе, желания мигом забыть обо всём произошедшем, и огромного желания узнать ещё больше; страха перед тем, что может случиться буквально в следующую минуту, и любопытства перед новым, загадочным, непознанным, непонятным, новым собой. «Я – Рарок, Я – Рарок» – бешено колотилось его сердце, когда Людша подходил к дому Раха.

Раздался резкий и нетерпеливый стук в дверь. Старый Найрад не спеша спустился по лестнице. Сначала он удивился, увидев, что на пороге стоит какой-то годун.

– Зачем ты пришел ко мне? Не помню, чтобы за последние сто лет у нас рождался кто-нибудь с даром Рах...

– У меня нет такого дара, но я хочу войти.

– Зачем? А какой твой дар, юный бруш?

– Я – бездарный бруш. Я Людша Рарок.

Найрад будто и не удивился вовсе, кивнул.

– Совсем я ослеп, видать, на старости лет, не признал тебя.

Так значит, они сказали тебе...

– Впусти меня, старик Найрад. Мне о многом нужно спросить тебя. Помочь мне во всем разобраться можешь только ты и Священные Книги Шагира.

– Что ж, проходи, Людша...

– Это правда, мудрый Рах? – паренёк остановился недалеко от порога, не прикрыв за собой дверь, – я действительно тот самый Рарок, о котором говорится в последнем предсказании?

– Если бы это была ложь, мой мальчик... Если бы только это была ложь...

Причитания старика совсем не понравились Людше. Найрад словно услышал его мысли.

– Ты уже взрослый, и ты прекрасно знаешь, как устроен наш мир. Ты знаешь Извечный Порядок Витамир. И ты знаешь, что в нашем мире нет места Рароку. Наш мир – это мир созидания и спокойствия. И нам не нужны никакие неожиданности, непредсказуемость, перемены...

– Но ведь именно перемены и предсказаны книгами, разве не так? Почему же ты хочешь избежать предсказания? И что ты мне предлагаешь, Найрад?

Найрад не отвечал. Он подошёл к пыльному стеллажу и рукавом протёр корешок одной из книг, наклонился, чтобы лучше было видно название. Прошамкал что-то губами...

Потом как будто опомнился и как будто между делом сообщил:

– Я хочу избежать перемен, которые повлекут за собой гибель моего мира... И я предлагаю тебе уйти из нашей деревни. Раз теперь ты всё знаешь, и раз ты понял, что Рарок из последнего предсказания это ты и есть... Ты должен покинуть наш мир. Вот и всё.

– Как это покинуть «наш мир»?

Людша ушам своим не поверил. Начиная с сегодняшнего утра на Поляне, когда он почувствовал эту жуткую обиду на своих друзей, замучивших его вопросами про его дар, он теперь не поспевал за событиями, главным героем которых был он сам. Всё развивалось слишком быстро, куда-то несло его, как беспомощную щепку. Ещё утром он и думать не думал, что так всё обернётся, а теперь старый Рах предлагает ему уйти...

– Вот так вот просто? Уйти? И всё? – переспросил он.

Найрад доставал книгу со стеллажа и не отвечал.

– Но как ... Как же... Что же я буду есть? Как я буду жить? Ведь я ничего не умею! У меня нет ни одного из созидательных волшебных даров! Я бездарный! Мне не выжить одному. И потом... куда уйти? Бруши могут жить только все вместе, помогая друг другу – это ведь и есть наш закон Витамир, верно?

Найрад оставил попытки вытянуть непослушную книгу с полки, отряхнул руки, посмотрел на хрупкую фигурку па-

ренька под массивными сводами своей библиотеки, и медленно направился к нему.

– Вот именно, Людша, наш закон Витамир. Но, увы, не твой.

Людша опешил.

– Я знаю, Людша, – Найрад схватился за голову, – Прости ты меня, старика, но я ничем не могу тебе помочь... Всё, что я могу сказать тебе: ты здесь, увы, лишний. Если ты останешься, Эра Перемен неминуема – так сказано в Священных Книгах... Мы не хотим ничего менять, понимаешь? Мы хорошо и радостно живём. Я хочу сохранить Витамир для своих соплеменников, для наших потомков... И для себя – добавил он после паузы.

– А ты не думал, Найрад, что Эра Перемен может начаться, даже если я уйду от вас? – перебил старика Людша.

Найрад удивлённо уставился на строптивного годуна – вот уж точно было сказано в предсказании: «своенравен».

Людша продолжал:

– Это ведь предсказание из твоих мудрых Книг. Книг, на которые ты полагался, которые помогали тебе видеть ясно события, объяснять причины, пока тебя всё устраивало. Но когда дошло до того, чтобы принять неизвестность и возможную гибель, ты противишься, Найрад. А вдруг ни ты, ни я – вообще никто не может ничего изменить? А вдруг ты неверно всё понял и...

– Я и не собираюсь ничего менять, – гневно перебил его

Найрад, – я хочу предотвратить. Я хочу помочь своему народу! Потому что вина за то, что ты можешь натворить, вина за то, что оставил тебя ещё младенцем, несмотря на то, что знал, кто ты и как ты опасен – эта вина лежит на мне! Я несу ответственность, ты понимаешь? Я один!

Найрад резко отвернулся.

– Хорошо! Ты прав. Я не могу знать того, что знает Мать-Природа. Я не знаю, что она готовит для нас... Но, кривая-ветхая, – и Найрад стукнул по полу посохом, от чего в ответ большая зала глухо и скорбно выдохнула «ууууух», будто побитое гигантское чудовище, – Представь себя на моём месте! Разве бы ты не стремился предотвратить опасные перемены и гибель своего народа, если бы ты был старейшиной, который несёт ответственность за жизнь всего племени?

– Я не знаю... я...

– Ты не знаешь? Конечно, ты и не можешь знать! Но я-то тысячи раз перечитывал это предсказание... Оно вымотало мне всю душу. Я устал. Я хочу покоя. Если ты останешься здесь, я не знаю, что ждёт нас... Никто не сможет больше спать спокойно. И потом... Знаешь, несмотря на мою веру в мудрость Священных книг, где-то в глубине души у меня всё же была надежда, что это ошибка, и что ты сможешь обрести один из даров Лан или Ивар... Или Рах... Этого не произошло.

Найрад смотрел как будто сквозь бруша.

– Я читаю на твоём челе, что Рарок стал очень силен в

тебе.

Найрад отвернулся и уставился в маленькое островерхое оконце. Дальше он говорил спокойно, громко, чётко, делая большие паузы между словами, будто ронял с высоких полок своей библиотеки на пол старинные инкунабулы...

– Я Рах племени Большой Ивы, младший Рах всех брушей Витамира, принял решение, – Найрад сделал паузу, сглотнул, и его старческие губы едва задвигались, будто через силу, – Ради сохранения Витамира, во имя Матери-Природы, во имя сохранения всего нашего племени, ты, Людша Рарок, должен покинуть нашу деревню. Твое присутствие здесь, особенно теперь, когда ты узнал обо всём, становится опасным... Мне страшно даже подумать, какое зло ты можешь причинить себе и всем нам. Случиться это может в самый неожиданный момент, и тогда беды не миновать. Уходи, Людша Рарок. Так будет лучше для всех.

Сначала юный бруш хотел снова возразить, но потом перед его глазами возникла плачущая мать, раздавленная чашка, недоумение и страх в глазах отца и его собственное разъярённое отражение в осколке зеркала на полу... И он почувствовал, как где-то глубоко, на самом дне его сердца, словно угли после костра, на которые подул лёгкий ветерок, снова начали тлеть остатки разрушительной ярости, проснувшейся ещё утром. Он почувствовал, если останется здесь дольше, то примется скидывать с полок старинные тома и рвать их на части, ему хотелось разрушить тут всё, камня на камне

не оставить от этой злосчастной библиотеки... Где эти книги Шагира, будь они прокляты! А старика этого...

Тут Людша резко развернулся, не говоря ни слова, и бросился бежать со всех ног. Он бежал в безбрежную Бору – непроходимый лес, подальше от своей родной деревни. Подальше от безмятежного мира, от размеренной и счастливой жизни, которую он так боялся разрушить, и да, он бежал от страшного и опасного самого себя...

...Вострогор положил свою белую сухую руку на плечо младшему Раху:

– Наконец-то ты послушался меня. Я очень рад. Ты исполнил свой долг, Найрад. Это очень хорошо. Теперь ты сможешь спать спокойно. Мы все теперь сможем спать спокойно. Мир вернётся в наши с тобой древние сердца, мой дорогой. Всё теперь будет хорошо, по-прежнему.

Найрад сидел с низко опущенной головой.

– Что же ты не весел? Ты избавил нас от Рарока, брат мой младший Рах! Ты снял с себя, с меня, со всех нас это тяжкое бремя...

Найрад слишком резко для старика поднял голову.

– Только почему-то легче мне вовсе не стало, – процедил он.

– Ерунда! – махнул Вострогор белой ухоженной рукой, – ты просто не спал спокойно все эти двенадцать лет, пока у

тебя под боком росла и зрела угроза. Я рад, что ты решился изгнать этого опасного годуна. Теперь-то ты сможешь хорошенько отдохнуть! – и он хлопнул Найрада по плечу.

– Я очень на это надеюсь, старший брат Рах... Я очень надеюсь...

Часть II. Бора

*...Гонит его
Беспокойного бруша
Прочь от деревни
Ярость и гнев,
Сонмы обид...
«Во что теперь верить?» -
Он вопрошает,
Найрад ответ,
Страхом ведом,
Произносит жестокий:
«Ты теперь враг нам,
Оставь нас, и в лес
Путь твой лежит,
Лес тёмный, далекий,
Там станешь изгоем -
Вот мой ответ».*

И безбрежная Бора раскрыла объятия изгою...

Пробежав без отдыха почти сутки, он рухнул без сил на берегу какого-то небольшого ручья. Он проголодался, и его измучила жажда, но он уснул, потому что устал так, что не мог пошевелить и пальцем.

Сон стал его первым маленьким счастьем за последние ча-

сы. Во сне он увидел отца, который протягивал ему свежеспеченный душистый хлеб и кружку парного молока. А рядом стояла мама в своем новом зелёном платье – она так любила зелёный цвет – вышитом золотыми розами и соловьями. Мама улыбалась...

Вдруг Людша очнулся. Что это? Что за неприятное чувство? Никогда такого раньше с ним не было... Это был холод. Живя в тёплом доме со своими заботливыми родителями, Людша и не знал никогда, что такое бывает с телом... Странное чувство... дрожь какая-то неутрачивающая... ломит пальцы рук и ног... и так хочется укрыться... и так хочется домой...

«А что я здесь сижу? Я бруш, и у меня есть дом! – было его первой мыслью».

«Нет. Нет у тебя больше никакого дома, – возразил он тут же сам себе, – Дома полагаются только тем, кто не представляет никакой опасности для окружающих. А ты опасен. Ты бездарный волшебник Людша Рарок. Ты «сама необузданность и ярость». А потому не жить тебе там, где важнее всего порядок и покой».

Людша лежал на земле... Дрожь била его. Самое ужасное было в том, что к ощущению принизывающего холода добавился голод. Да, это был он. Правда, Людша не знал, что боль в животе и сухость во рту называются именно так. Ни один бруш, рожденный в мире достатка и созидания, этого не знал.

– Мне бы съесть... хотя бы что-нибудь... – промолвил он сквозь слёзы и уронил голову на землю.

Он лежал на земле, положив голову набок. И тут вдруг он увидел, что на кустике земляники рядом с ним висят целых три красных сочных ягоды. Когда его друзья развлекались, играя во взрослую волшебную жизнь по всем правилам, он видел не раз, как Ясинка, красивая рыжеволосая девочка с косами до самой земли, взмахом мизинца заставляла листики земляники приподниматься, после чего ягодки сами отрывались от веточек и прыгали ей в подставленный подол. А потом она угощала всех этими сочными, сладкими ягодами...

«Постойте-ка... У меня нет дара Лан, – подумал Людша, – это я точно знаю, – Тем не менее, лёжа сейчас на земле, он прекрасно видел эти красные и сочные ягоды, и были они не так уж и далеко от него – всего-то на расстоянии вытянутой руки, – ... А значит, их можно и сорвать...»

Он тут же протянул руку и сорвал одну ягодку. Она легко отсоединилась от веточки даже безо всякого колдовства. Людша поднес ее к губам и тут же проглотил.

Вторая и третья ягоды последовали за первой. Причем очень быстро. После чего он принялся ползать на животе, точно так же наклоняя голову набок и заглядывая под листики в поисках ягод. Обладающие даром Лан, разумеется, так не поступают – как можно! Но Людша лежал на животе, шарил по земле руками и поднимал каждый листочек. Ягодка

за ягодкой, ягодка за ягодкой... А что, вкусно!

Насытившись и немного восстановив свои силы, он встал на ноги. Солнце уже вовсю сияло над лесом, согревая его замерзшее тело. Ах, как захотелось потянуться, будто в холодный вечер ты наконец согрелся дома у камина. Это конечно не дом, и камина рядом нет, но, по крайней мере, его согревает солнце, а после ночного холода и это неплохо.

«А вот интересно, – подумал он, – если я смог поесть немного без колдовства, может быть, мне удастся и согреться без колдовства? Сейчас, конечно, светит солнце, но мое изгнание никто не отменит до вечера, когда пронизывающий холод и сырость снова начнут меня мучить Надо подумать...»

Он вспоминал: если в их доме вдруг гас огонь в камине, отец приглашал бруша-повелителя огня, и тот щелчком пальцев наколдовывал эдакую свечечку, которую подносил потом к дровам, и в их камине снова вспыхивало согревающее пламя. Это был дар Жегор, дар огня – один из самых почитаемых даров брушей.

«Да, но я-то не повелитель Жегора... Что же делать мне?»

Еще Людша подумал о том, что ему не помешал бы дом.

«Так. Подумаем... Дом нам делал дядя Добруш из брёвен, привезённых брушем-лесорубом... Это всё созидательный дар Ивар, которого у меня нет...»

Он внимательно посмотрел на ствол одной из сосен неподалеку, и обратил внимание, что ствол сосны походит на те

самые бревна. Очень похоже. Только ветки лишние. Стало быть, вот из чего он делал эти бревна! Только вот где взять топор? А если и взять, то вряд ли он будет слушаться того, кто не обладает даром Ивар...»

Людша было нахмурился...

«...Нет, постойте! Ведь ягоды-то мне удалось найти без волшебства. Я не собиратель, но ягод себе на завтрак добыть я смог!»

Это соображение его очень утешило, поскольку давало ему надежду. И он ухватился за эту идею. Других приятных новостей, увы, пока не было.

К исходу своего первого дня в изгнании он так и не придумал, как сделать дом и добыть огонь. Правда, удалось обеспечить себя обедом из ягод, полдником из ягод, ужином из ягод и вторым ужином из ягод.... Почти весь день Людша бродил по лесу, не переставая думать об устройстве жилища. И только под утро он уснул, рухнув под какой-то березой прямо на мягкий мох...

...Его разбудил гром и всполохи молнии. С запада к лесу подбиралась буря.

«Прекрасно... Прямо-таки волшебно... Только этого мне не хватало».

Мальчишка стал оглядываться по сторонам, ища, где бы ему укрыться. И тут он обратил внимание на старую ель с огромными лапами ветвей, спускавшимися до самой земли.

«Это похоже на дом! – радостно подумал он, – как же я

сразу не догадался! Вот он, домик мой! – и скорее побежал к ели».

Одной рукой он придерживал подол своей туники с остатками ягод. Ничего, что несколько земляничек выпали и укатились в траву... Ценность, конечно, ну да ладно, соберёт он их потом... Пока Людша устраивался под разлапистой старой елью, буря приближалась. И тут вдруг небо прорвало.

«Как же вовремя я нашел этот дом, – подумал маленький бруш, – иначе промок бы до костей».

Что-то страшно громынуло. Послышался жуткий треск, причем где-то совсем близко. Людша стал судорожно оглядываться по сторонам: где и что это так трещит? Прямо над ним обломилась одна из укрывавших его массивных лап-ветвей. Он осторожно высунул голову и посмотрел вверх. Его укрытие! В верхнюю часть ствола той самой ели, под ветвями которой сидел мальчик, ударила молния. Удар расколол ствол пополам и едва не задел его самого. Половина ствола занялась, несмотря на неутихающий ливень.

Ему было страшно, очень страшно, однако, вид пламени заморозил его.

«Дар Жегор... – подумал он и посмотрел вверх туда, где резвились молнии, – так во оно что... Там наверху, среди этих тёмных туч, наверное, сидит тот, кто могущественней любого бруша-повелителя огня...»

Людша стоял под проливным дождем и не мог оторвать взгляд от зрелища, которое его так поразило, и, словно желая

угодить благодарному зрителю, на небе ещё радостнее принялись отплясывать и резвиться молнии. Великий повелитель огня ещё долго и с большим наслаждением демонстрировал мальчишке свои таланты...

...Дождь закончился. С листьев кленов и березок падали маленькие капельки-слезинки. Людша решил, что поселится пока под ветвями упавшего на землю ствола ели. А что? На дом вроде похоже. Сыровато, правда, ну да ладно, что-нибудь придумается...

У Людши не было волшебного топора, поэтому острые сучки внутри своего домика, мешавшие ему устроиться удобнее, он решил обламывать прямо руками. Дело было не из легких. Всё кругом колосось, к тому же ужасно мешала еще свежая липкая смола... От такой работы его руки покрывались кровавыми царапинами, и он инстинктивно облизывал раненные пальцы.

«Я совсем как дикий зверь, – подумал он, – зализываю свои раны... Бруши так не делают. Что бы сказала моя мама, если бы увидела это? Мама... Что она сейчас делает? Как она там? Он ведь даже не зашел попрощаться с ней. Испугался... Наверное, она сейчас гадает, что с ним... Или, может быть, ей только стало лучше, когда он исчез? Может быть, после всего того, что случилось, с ее души будто камень тяжелый упал... Ведь она хранила его тайну, словно нож за пазухой, все эти годы, и это не могло ей не мешать. Да, так лучше! Лучше, что он ушел...

Людша смахнул слезу.

«Нет, но почему же она стала растить такого опасного ре-бёнка? Зачем? Чтобы обречь его на мучения? Затем, чтобы он теперь зализывал раны на руках?»

Перед глазами Людши встал образ его мамы. Она стояла на пороге их небольшого и аккуратного дома, сложив руки на груди, слегка наклонив голову вправо и зажмурив один глаз от солнца. Завидев его, она улыбнулась и раскрыла объ-ятья...

«Нет. Мама не могла причинить мне никакого вреда. Только не она. Мама меня любит, – и тут уже Людша не вы-держал и заплакал, – Смотри, Великий Небесный повели-тель, теперь пришла моя пора устроить дождь...»

Выплакав добрую долю своего горя, он так и уснул в необустроенном жилище, прямо на мокрой земле, под при-целом острых сучьев-ножей.

Наступило еще одно утро. Сон придал Людше сил, и сей-час он чувствовал себя намного лучше. Он решил продол-жить борьбу в своем новом мире – мире без волшебства.

На завтрак он набрал себе две горсти земляники и целый подол тех самых синих ягод, о которых вспоминал накануне. Еще ему удалось выдрать пару сладких корешков. Не яго-ды, конечно, но тоже ничего, сойдет... И грибов насобира-л. С грибами, правда, вышла незадача. Он помнил прекрасно, что повар что-то с ними делал, прежде чем подавать на стол, только вот что? Этого Людше вспомнить не удалось, потому

что он на это внимание особенно никогда не обращал, и он решил попробовать сырой гриб.

– Фу, какая мерзость! – завопил он, едва разжевав кусочек гриба, и принялся плевать и тереть язык руками.

А потом стало ещё хуже, потому что животу его сегодняшней обед понравился еще меньше, чем его языку...

На следующий день он проснулся с мыслью о том, что огонь нужен позарез. Ну, просто обязательно нужен. Без огня под утро ноги становятся словно ледышки... Одежда успевает высохнуть за день на солнце, а за ночь снова сыреть, и если так будет продолжаться, то недалеко и до простуды... А бруша с даром Барбата, который смог бы вылечить Людшу, поблизости, как известно, не появится, и даже надеяться на это глупо...

Однажды на лес снова налетела буря. Людша решил, что ему непременно нужно попросить Небесного Повелителя Жегора помочь ему.

На этот раз буря принесла ещё и град. Кусочки льда ударили Людшу по бокам, кололи лицо. Глаза приходилось всё время зажмуривать... Людша лез по стволу одной из елей все выше и выше. Добравшись почти до самой макушки, он глянул вниз, и голова его закружилась так, что он едва не отпустил ветку, за которую держался. Расслабляться было нельзя. Сейчас он так высоко забрался, что Небесный Повелитель его наверняка услышит. И Людша закричал в наглухо забитое тучами и измученное бурей небо, что было сил:

– О, великий Повелитель Жегора! Мне нужен твой огонь! Без огня мне не выжить, а наколдовывать огонь я не умею! Прошу тебя, помоги мне! Я Людша из племени брушей! Помоги мне, дай огня!

Но Небесный Повелитель молчал. То ли ему не понравилось, как просил Людша. То ли он был просто не в настроении помогать изгою, отвергнутому волшебным Витамиром брушей – Людша зря проторчал на верхушке ели, мотавшейся от ударов ветра из стороны в сторону. Он только вымок до нитки и охрип от своих криков. И это было еще не самое плохое, потому что мальчишка ко всему прочему еще и простудился.

В очередной раз проснувшись в сырости, он понял, что весь горит, и встать с земли у него совершенно нет сил. Дрожь била его так, что зуб на зуб не попадал, даже руки тряслись. Здесь в сырости Людше оставаться было никак нельзя. Солнце уже вовсю светило, и ему просто необходимо было выбраться из-под плотных еловых лап, чтобы просушить на солнце одежду и согреться. И из последних сил он пополз.

Вот он лежит на сухой траве под ярким солнцем. Солнце светит ему прямо в глаза. Он даже не пытается сдерживать дрожь, заставляющую дергаться и биться в ознобе его ослабевшее тело. Его мысли путаются. Из какого-то темного пятна слева выплывают странные фигуры. Сначала возникает мама в своем прекрасном зелёном платье с золотым шитьем.

Появляется отец, но как-то нечётко, словно отражение на воде. Буда нежно берёт маму за локоть, смотрит с укоризной прямо в глаза сыну, а потом уводит её. Она всё оглядывается – то через левое плечо, то через правое, пытается улыбнуться, машет рукой, но всё же подчиняется отцу, и наконец они скрываются в тёмно-синем искрящемся облаке... На месте матери тут же вырастает огромная ель. Ель почему-то бордовая, кровавая. К самой вершине ели прикасается великанская рука буквально одним пальцем, и ель тут же рассыпается на сотни и тысячи крошечных земляник, которые катятся прямо на Людшу. Он пытается хватать их ртом, но ничего не выходит – едва долетев до него, ягодки тут же исчезают... Потом из-за голого ствола начинает расти тёмная фигура с маленькой головой и широченными, будто крылья, плечами. Голова великана увенчана короной из ярких, постоянно движущихся молний.

«Это же Повелитель Жегора, – догадывается Людша во сне, – он сам пришел ко мне, и я должен просить его, я должен просить его дать мне огня, чтобы выжить... О, великий и могучий Повелитель, прошу тебя, дай мне огня! Огня! Прошу тебя! Я... Я Людша из племени брушей... дай... дай...»

Видение с молниями на голове сразу застыло. Затем оно наклонило голову вправо и хитро улыбнулось, и Людше показалось, что где-то и у кого-то он уже видел такую манеру улыбаться, только вот у кого же? Это ведь было что-то ужасно знакомое, родное какое-то... И тут чёрная тень Небесного

Повелителя протягивает руку вперед, направив свой указательный палец прямо в лицо Людше. На самом кончике гигантского пальца загораются маленькие искры, точь-в-точь как те, что появлялись на пальцах его мамы, когда та принималась наколдовывать наряды. И вдруг одна крошечная искорка за одно мгновение превращается в молнию и ударяет мальчишку прямо в лоб!

...Глаза невыносимо жжёт. Людша попытался их открыть. Он всё так же лежит на сухой траве, вокруг о чем-то ругаются и спорят птицы. Совсем недалеко и совершенно его не опасаясь, сидит заяц, прядает ушами и чем-то прерывисто хрумкает.

Людша встал на ноги. Болезнь отпустила его. Волосы были все еще влажными от испарины. Одежда вся вымокла. Необходимо было срочно её просушить. А еще лучше было бы эту выбросить, и наколдовать себе новенькую. Только вот кто бы это для него сделал? Некому. Значит, придется что-то придумывать.

Людша разделся донага, развесил свою тунику, штаны, нижнюю рубаху и пояс на ветках кустов, а сам снова улегся на сухую траву прямо на живот и принялся искать ягоды.

Пока он так завтракал, ему вспомнилось, что, когда повара желали вымыть посуду после пиршества, они всегда звали водоноса. Тот одним взмахом руки наливал водой огромные баки, куда под действием волшебства прыгала грязная посуда и принималась плескаться, и только окончательно отмыв-

шись, выскакивала из баков. Потом, все как одна, тарелочки-ложечки-чашечки тёрлись о разложенные прямо на столе махровые полотенца и тут же становились в ровные ряды на полочках сервантов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.